

Джоан Келли
**РАННЯЯ ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ И СПОР
О ЖЕНЩИНАХ, 1400-1789¹**

Считается, что феминизм, и особенно феминистская теория, возникли в девятнадцатом и двадцатом веках. Большинство англо-американских исследователей женского движения признают своего рода предшественников феминизма в Английской и Французской революциях, а также в таких личностях, как Анна Хатчинсон; однако кажется, что непрерывное развитие феминистской мысли начинается только с Сенека Фоллзⁱ. Историки французского феминизма говорят о его более далеком прошлом. Они склонны считать Крестину Пизанскую (1364-1430) первой, у кого были современные феминистские взгляды, и они представляют других ранних авторов, высказывавших проженские идеи в период от Крестины до Французской революцииⁱⁱ. Однако даже в этой литературе вопрос о теоретической феминистской традиции, предшествовавшей революции, неясен. Женщины-феминистки практически отсутствуют в большинстве книг по феминистской мысли во французской и английской литературе Нового времени. Когда же это происходит, они и их идеи предстают изолированными, отделенными друг от друга и от нас длительными периодами молчания и пассивности.

В настоящее время появляются новые работы, которые дают более полное представление о богатстве, согласованности и преемственности ранней феминистской мыслиⁱⁱⁱ. Своей книгой мне хотелось бы внести вклад в это дело. Я надеюсь продемонстрировать устойчивую четырехсотлетнюю традицию женского размышления о женщинах и политике в сфере отношений полов в европейском обществе до Французской революции. Феминистская теория возникает в пятнадцатом веке в тесной связи с новой светской культурой современного европейского государства и как реакция на нее. Это был голос образованных женщин, которые ощутили себя и всех женщин оклеветанными и подавляемыми новой культурой, но в то же время эта культура вдохновила их высказаться в защиту женщин. Крестина Пизанская - первая феминистская мыслительница, и инициированная ею четырехвековая дискуссия о женщинах, известная как *querelle des femmes* ("спор о женщинах" – примеч. ред.), стала тем средством выражения, с помощью которого эволюционировала ранняя феминистская мысль.

Ранние феминисты, конечно, не использовали этого термина (феминизм – примеч. ред.). Если они и называли себя как-то, то чаще - "защитниками" или "адвокатами" женщин, но было бы справедливо называть эту длинную линию проженских писателей, идущую от Крестины Пизанской до Мэри Уоллстоункрафт (Woolstonecraft), тем именем, которое мы используем для их последовательниц-феминисток XIX-XX вв.. Позднейшие феминисты все еще включают основные положения, впервые принятые феминистами эпохи *querelle*. Поскольку эти положения относятся к тем общим преимуществам, которые женщины выиграли и укрепили, я предпочитаю называть их "позициями", чем собственно идеями. Они определяют точку зрения, в рамках которой развиваются идеи, "теорию" в первоначальном смысле слова, концептуальный взгляд^{iv}. Эта теория противостояла доминирующей культуре в трех специфических аспектах.

1. *Querelle* - почти сплошь полемика. Начиная с Крестины Пизанской, женская защита женщин была ответом на специфические, опубликованные нападки на них. Их работы образовательного характера были столь полемичны, поскольку они должны были спорить с культурными и социальными ограничениями, которые налагались на женщин и оправдывались прессой. Во всех этих работах женщины занимали сознательную диалектическую позицию в противовес мужской клевете и подчинению женщин.

2. Ранние феминисты сосредоточились в своем противостоянии на том, что сейчас мы назвали бы словом "гендер".^v Другими словами, это означает их уверенность в том, что пол формируется культурой, а не просто биологически. Женщины были *социальной* группой. Они направляли свои идеи против представлений о прирожденном несовершенстве пола, которые вытекали из женоненавистнических позиций, и против социального давления на женщин для приспособления их к подобным представлениям.

3. Непосредственной целью этих феминистских теоретиков было противостояние дурному обращению с женщинами. Они заботились о том, чтобы у женщин были знания и уверенность для того, чтобы отвергнуть женоненавистнические заявления. Но понимание женоненавистничества и гендера

¹*Kelly, J.* Early Feminist Theory and the *Querelle des Femmes* // *Kelly, J.* Women, History, and Theory. University of Chicago Press, 1984. P. 65-110. Перевод с англ. Е.Лучининой и В.Успенской.

привело многих феминистов к более универсальной точке зрения, которая признавала сложившиеся системы ценностей. Показывая ту или иную идеологию и противостоя предвзятостям и узости, которые она питает, они выступали за общее понимание человечности.

Конечно, идеи ранних феминистов несут на себе печать их социального и интеллектуального климата. На ранней стадии эпохи нового времени Европа находилась в процессе государственного становления. Монархическое правление, чины и иерархия сосуществовали с буржуазным образом жизни и работы и с развитием республиканского (либерального) этоса. С одной стороны, феминистская теория формировалась под влиянием нового давления, которое это общество оказывало на женщин, а также она была стимулирована его возможностями. С другой стороны, женщины из аристократии значительно потеряли экономическое, политическое и культурное могущество по сравнению не только с феодалными предшественницами, но и с мужчинами их собственного класса. В то же время возник класс женщин, сформированный новым гендерным истолкованием семейной женщины. Содержание ранней феминистской теории отражает снижающееся могущество женщин высокого социального положения и усиливающуюся любовь к семейной жизни женщин среднего класса. Кроме того, это обязано самим своим существованием новым силам образования, которое было во власти некоторых женщин.

Представление о привилегированной, “образованной” культуре как определяющем факторе показывает тот классовый барьер, который отделял феминистских теоретиков *querelle*. Их история в этом отношении похожа на историю раннего социализма. И то, и другое были реакцией на складывающиеся капиталистические отношения в европейском обществе нового времени, к его возможностям и ограничениям. Но в феминизме, как и в социализме, у таких теоретиков, как Кристина Пизанская и Томас Мор, Лукреция Маринелла и Томазо Кампанелла, Мэри Астелл и Эйб Морелли, было совсем немного или вообще не было никаких связей с выступлениями за социальные преобразования, которые время от времени вспыхивали и подавлялись. Такие выступления были изолированными и/или короткоживущими, ограниченными теми классами, чье могущество еще не питалось производительными силами эпохи. Потребовались Французская революция и индустриализация Европы и Северной Америки, прежде чем социальная теория и практика могли быть согласованы, укреплены демократическими движениями, которые были бы достаточно широки для того, чтобы изменить всю структуру иерархического общества.

Очевидно, что *бегуинки* позднего средневековья также были “феминистками” в вышеприведенном смысле, как оппозиция женоненавистничеству и порабощению женщин мужчинами. Это были женщины, взявшие обет безбрачия, стремившиеся жить в своих собственных общинах и обеспечивать себя за счет коллективного труда. Давая лишь временные религиозные обеты, они избегали двух главных институтов мужской власти: семьи и церкви. Общественное признание – это другое дело; однако, когда государство и церковь объединились, чтобы подавить это движение, они преуспели. Тем не менее, бегуинки ясно продемонстрировали волю к независимости от мужской власти.

То же самое наблюдалось и в ходе революционных дней английских сект. В 1630-х и 1650-х гг. многие радикальные английские секты поддерживали идею религиозного равенства для женщин. В этой обстановке наступления на патриархальное правление вообще, были женщины, которые активно освобождали себя от мужской клерикальной власти, а также от власти своих мужей. Они стремились контролировать свое собственное сознание, проповедовать и развивать женское образование и экономические возможности^{vi}. Я бы скорее назвала их, как и Анну Хатчинсон – их современницу в Новой Англии XVIII в. – “феминистками действия”, а не теоретиками^{vii}. Вместо того, чтобы вырабатывать идеи письменно, они использовали их для преобразования и организации таких социальных форм, в которых женщины могли быть свободными от мужской власти над ними. Их наследницами стали женщины Французской революции и революционного движения девятнадцатого века, а также женского движения XIX-XX вв. Феминистская деятельность того времени нашла выражение в “ученой”, теоретической рефлексии, а теория, в свою очередь, уходила корнями в женское движение за демократические преобразования. Потом, и только потом феминистская теория могла направиться в политическое русло. Только в качестве теории, нашедшей новое основание в социальной деятельности, она могла выдвигать идеи реорганизации общества.

До того времени, когда женское движение присоединилось к феминистской теории и практике, ранние теоретики феминизма терпеливо и долго оказывали интеллектуальное сопротивление вне связи с действием. Борьба в рамках *спора о женщинах* велась главным образом женщинами явно нового, образованного класса, служившего высшим кругам иерархического общества, и реже – женщинами этих высоких социальных кругов. В основном, они были предшественницами тех, кого Вирджиния Вулф

назвала “дочерьми образованных мужчин”, - дочерей в их восстании против отцов, вышколивших дочерей для общества, в которое закрыли доступ всем женщинам.

1. Начало “спора”

Если Петрарку можно назвать первым современным мужчиной, то Кристина Пизанская, поэт и автор, представившая своих соотечественников Петрарку и Бокаччо в парижской культуре ранних 1400-х гг., определенно является первой современной женщиной. Историкам, литературным критикам и биографам Петрарка казался “современным” благодаря его сознанию^{viii}. Его самосознание выросло, скорее, из социального, а не мистического опыта, и из республиканской, а не феодальной точки зрения.

Его реакция на классическую культуру – психологически самоуверенная, честолюбивая, заинтересованная в социальном имидже, в успехе и славе, пропитанная языком и литературой “языческой” античности, несмотря на его глубокие христианские убеждения, - была столь же пророческой, сколько и ностальгической. Он появляется в истории как первый мастер литературного образования и ясного стиля прозы, который мог не однажды служить гражданскому обществу и целям государства. Если обратиться к его социальным источникам, мы увидим, что Петрарка и выражал, и формировал точку зрения целого класса горожан и изысканной литературной публики. Духовные лица становились гуманистами, они, как и Петрарка, были секретарями-латинистами у правителей, светских и церковных, и у республики. Они приняли на себя новые обязанности в государстве. Они стали воспитателями и учителями тех, кто будет управлять и тех, кто будет окружать правящие классы по мере движения Европы из феодализма.

Этот профессиональный класс выступил на историческую сцену, как и деловые семьи, из которых он в большой мере происходил. У многих феминистских писательниц – Афры Бен, Мэри Астелл и венецианской поэтессы Лукреции Маринелли – отцы или мужья были солидными купцами. Еще больше было сестер, дочерей и племянниц гуманистов и учителей, которые и давали им образование. Рэйчел Шпет воспитывал ее отец - школьный учитель, Мэри Астелл - ее дядюшка-священник. Батсуа Мэйкин, Юдит Дрэйк и Элизабет Элыштоб были сестрами воспитанников Оксфорда, братья делились знаниями с сестрами. Кристина, профессиональная гуманистка, была замужем за королевским секретарем. Образованная в области французской и итальянской литературы и немного в латинском языке благодаря своему отцу-итальянцу, советнику и врачу при королевском дворе Валуа, она решила обеспечивать себя, своих детей и мать-вдову как переписчик и автор, когда она сама овдовела в двадцатипятилетнем возрасте. Она училась в течение всей своей жизни и оставила около пятнадцати томов трудов в семидесяти больших записных книжках. Большинство из ее работ широко распространялись и принесли ей как славу, так и деньги.

Несмотря на это, Кристина испытывала разнообразные унижения, посещая по своим делам королевский двор, вынужденная храбро встречать свистки и окрики, как на улицах, так и во дворце. Она пересекла границу между частной и общественной жизнью, которую все тверже устанавливали для среднего класса и даже для благородных женщин. В самом деле, никто из феминисток, следующих ей, не вел столь независимую и общественную жизнь вплоть до драматурга семнадцатого века Афры Бен, которая и сама была необычной фигурой для своего времени. Однако даже только личное принятие женщинами учений и взглядов гуманистов – родственников и учителей – производило драматичное действие. Разделять взгляды означало открыть, что универсальный идеал *человечности*, взлелеянный новым учением, представление об образовании как вращивании человеческого в человеке не подразумевали под “человеком” мужчину и женщину и были не более, нежели литературными занятиями. Коротко говоря, гуманистический взгляд начал формироваться среди верхушки богатого светского слоя и среди его авторов и учителей не раньше, чем возникли роковые споры его женских и мужских сторонников.

Гуманизм, окрашенный возрождающимися идеями гражданской добродетели, к несчастью, был намного уже во взглядах на женщин, нежели традиционная христианская культура. Религиозное понимание женщин, хотя по-своему женоненавистническое, рассматривало их как имеющих равные возможности в достижении высших состояний “человека”: спасения и святости. Классическая республиканская мысль, коренившаяся в обществе, которое ограничивало женщин *gynaeceum*’ом (женской половиной дома) и оставляло политическую жизнь для мужчин, подвергла сомнению это понимание единой человеческой судьбы или даже единой человеческой природы. Бокаччо сказал почти про всех знаменитых женщин: “Что мы можем думать иного, кроме того, что было ошибкой природы дать женский пол телу, наделенному Богом величественным мужественным духом?”^{ix}. Только будучи решительными особами, только как исключение для своего пола, женщины могли стремиться к ренессансному идеалу “человека”^x.

Начиная с 1399г., Кристина написала ряд произведений (благодаря которым она предстала защитницей своего пола) с целью дать критику и отпор резкому повороту к женоненавистничеству в отношениях и публикациях того времени. Противостоять грубости и женоненавистничеству - по крайней мере, письменно, на языке литературы и образования - это было новым для женщины. Кристина целиком понимала новизну своего положения. Она удивлялась в *Книге о городе женщин* (1404) - ее главном произведении в "защиту" женщин, - почему женщины не взялись за перо раньше, чтобы возражать против отвратительных вещей, написанных и сказанных о них. Три женщины-провидицы, воодушевившие Кристину поступать именно так, уверили ее, однако, что это дело было предназначено судьбой именно ей, одной из женщин. Она должна стать первой, обладающей "новым мышлением", чтобы написать о "возможных причинах того, что так много разных мужчин, церковных и других, думают и пишут столь много клеветы и так осуждают женщин и их положение". Делая так, она должна была создать "монастырь защиты", книгу, которой было уготовано стать цитаделью, подкрепленной такими доводами, чтобы женщины любого общественного положения могли здесь противостоять атакам нападающих мужчин^{xi}.

Противостояние Кристины женоненавистничеству вызвало четырехвековой спор о том, является женщина совершенством или злом, а также о статусе женщин по отношению к статусу мужчин; и просто их защиту^{xii}. Темы *querelle* возникли ранее 1400 г., и они удерживались до 1789 г.; эти даты безошибочно отмечают поворотные точки в их истории. За сто лет до Кристины Пизанской уже существовало несколько жанров литературы о любви, браке и женщинах. Традиция женских романов была скорее "проженская", однако существовали еще и церковная и светская буржуазная традиции, которые однозначно развивались в русле женоненавистничества. К 1400г. национальная светская литература Англии и Франции, провозглашавшая "рыцарские" традиции, уступила место фэблию и стихам, в которых резко критиковалась аристократия, духовенство, женщины, любовь и институт брака.

Наиболее яркий пример насмешки над рыцарским отношением к женщинам мы находим в "*Романе о розе*" (1277), особенно в той части, автором которой является Жан де Мен. В ней нашли отражение, в том числе, и антиженские инвективы, распространявшиеся в XIII в. Кроме того, так как с точки зрения стиля данное произведение обладало высокой художественной ценностью, идеи, заложенные в нем, получили широкую поддержку. В течение XIV в. у романа появлялось все больше и больше почитателей. Поскольку у "*Романа о розе*", сюжет которого, кстати, лег в основу работ английского писателя Д. Чосера, и у буржуазной сатиры появлялись подражатели среди дворян и духовенства, то в ответ были предприняты попытки возродить угасающий дух рыцарства. В 1399 г. во Франции был основан рыцарский орден *Escu Vert a la Dame Blanche*, целью которого была защита интересов и чести женщин. С этой же целью в 1400 г. герцог Бурбонский и герцог Бургундский организовали "Суд любви". В состав этого суда входила и Кристина Пизанская. Вот в таком историческом контексте в 1399г. Кристина написала стихотворение "*Послание к Богу любви*", в котором сетовала на популярность "*Романа о розе*", на пропагандируемую им позицию по отношению к женщине, на смену идеала романтических отношений плотскими.

Подобное поведение со стороны женщины вызвало много нареканий: появилось несколько стихотворений и писем, в которых осуждалось дерзкое поведение Кристины, а также ставилась под сомнение ее репутация. В ответ на это она усилила критику Жана де Мена, назвав эту кампанию "предупреждением греха"^{xiii}. Эти события характеризуют Кристину Пизанскую как весьма бесстрашную женщину, поскольку ее деятельность имела широкий общественный резонанс. В 1404 г. она начала атаку на произведение "*Плач Матеолуса*", в котором излагалась церковная доктрина отношения к женщине. Эта работа появилась десятилетием позже "*Романа*" Ж. Де Мена и была написана в сходной сатирической манере. В произведении рассказывается о жизни церковного служителя, женившегося на вдове, и горько сожалевшего об этом. Кристина была невысокого мнения о Матеолусе как авторе, однако ее возмущал размах атак церкви на женщин и институт брака. Она отмечала, что чаще всего целью церкви было отвлечь своих служителей от вступления в брак, в том числе объясняя им, что таким образом они потеряют возможность получить синекуру. Но кроме банальных жалоб на тяготы семейной жизни эти работы были пронизаны отвращением к женщинам и женскому телу. "*Плач Матеолуса*" и сотни других произведений подобного рода вдохновили Кристину на создание "*Города женщин*".

Кристина сконцентрировалась только на одном аспекте: нападки на женщин, содержащиеся в этих произведениях. Кроме того, встать на защиту женщин ее побудили и соображения теории. В противоположность некоторым поэмам XIII-XIV в., превозносящим женщин (*Dit des Femmes* и *Bien des Femes*), несмотря на многочисленные обвинения, содержащиеся в других стихотворениях, Кристина видела свою цель в исследовании феномена женоненавистничества и противостоянии ему.

Примечательно, что направление, созданное Кристиной Пизанской, в корне отличалось от предыдущей, мужской традиции двустороннего рассмотрения проблемы, в русле которой прежде развивались церковные споры о браке и буржуазная сатира. Кристина дала женщинам возможность бороться с грязными нападками и презрением. Она стала примером для подражания для многих женщин. Хотя и мужчины создавали произведения в защиту женщин, именно с *querelle des femmes* началось женское движение против мизогинизма среди образованных людей^{xiv}.

Однако эти споры не носили драматического характера. Позиция духовенства в отношении celibата и созерцательного образа жизни утратила свою актуальность с началом эпохи Возрождения и Реформацией. Гуманисты выказывали поддержку семье и браку. Тем не менее, несмотря на внешнее примирение с сексуальностью, взгляды гуманистов вряд ли можно отнести к феминистским. В действительности, с развитием буржуазного общества и государства активная и семейная жизнь все чаще принималась как норма, что, в свою очередь, вело к новым проблемам определения статуса женщин. Новое поколение мизогинистов открыто не проявляло прежней ненависти по отношению к женщине. Вместо этого они использовали Священное Писание, чтобы узаконить подчинение женщины мужчине, особенно в вопросах брака. Подобно античным авторам, на которых они охотно ссылались, их намерением было не разубеждать людей вступать в брак, а оправдать ограничение свободы женщины в браке тем, что она изначально менее рациональна, чем мужчина. “Разумеется, все не могут ошибаться” гласит типичная “ученая” диатриба:

Разве не все авторы [как церковные, так и светские], не сверяя своих записей, называют их красоту фальшивой, приятность – глупой, скромность – наигранной, считают их бесстыдными и похотливыми, предательскими и честолюбивыми? Разве не называют их Рабынями Жадности, Врагами Разума и Вечными Недругами Мысли? Если верить Сенеке, женщина в одиночестве размышляет только о сотворении Зла. С ним соглашаются все и принимают их как лстивое, желанное Зло. Демокрит был так уверен в этом, что на вопрос, почему он, такой большой, женился на такой маленькой женщине, ответил: “Кажется, я выбрал слишком большую, ведь все, из кого я выбирал – Зло”. Протагор пошел дальше, он утверждал, что ни одно зло не превзойдет Злую Женщину. Что заставило его выдать свою дочь за своего злейшего врага?

Несмотря на отход от средневековых канонов, ранняя современная мизогинистская литература осталась столь же занудной и пошлой по содержанию. Только защитники женщин почерпнули из эпохи *querelle des femmes* прогрессивные и гуманистические цели.

Бесконечная повторяемость женоненавистнической традиции, тем не менее, вызвала реакцию проженской стороны. Призываемые дать отпор потоку доводов в пользу того, что женщины были исключены из понятия “человек” в Писании, что они не были по-настоящему людьми, что они были отданы в подчинение мужчине авторитетом религии и истории, феминисты обновили свои идеи, которые сами по себе были новыми, но не претерпели большого развития. Устойчивость жанра, однако, не должна привести к заблуждению и принятию общераспространенного мнения, что *querelle* был родом литературной игры. Женоненавистники в *споре о женщинах* не просто имели презрительное мнение относительно женщин или выражали центральное представление о мужском превосходстве, то есть, о том, что главной целью женщины является служить мужчине (или Богу в нем). Это делали большинство авторов-мужчин, которые считались сочувствующими женщинам: Бокаччо, Мор, Эразм, Шекспир, Монтень, Локк, Монтескье, Дидро, Вольтер. Женоненавистники, как, например, Бен Джонсон и Александр Поуп, Рабле, Болье и Мольер, присоединились к традиции клеветнической критики женщин как таковых. Нападки на женщин составляли определенную (или единственную) часть их литературной работы, и об этом выборе (от которого другие мужчины не получили для себя пользы) следует помнить, когда нам говорят, что такая сатира была, в конце концов, литературной условностью, или что такой-то автор на самом деле в других местах изображал женщин благосклонно. Как ответила Рэйчел Шпет (Rachel Speght) одному такому самооправдывающемуся автору в 1617г., “если ваши слова верны, что вы пишете рукой, а не сердцем, то вы – лицемер; однако, скорее надо думать, что ваше перо предает богатство вашего ума”^{xv}.

Тот факт, что женщины с феминистской стороны *querelle* скорее повторяли, чем развивали свои идеи, связан с тем, что отсутствовало какое-либо социальное движение, которое могло бы продвигать их идеи, а также с повторяемостью, на которую они отвечали. Однако их личная увлеченность эти ми идеями очевидна. Следует отметить, что были и мужчины, разделявшие идеи Кристины. Однако их литературные изыски в защиту женщин носили скорее риторический характер. Подобно Корнелиусу Агриппе из Неттесхайма, автору широко известного в то время трактата *О благородных и превосходных женщинах* (*De nobilitate et praecellentia foeminei*, 1529 г.) они заявляли, что женщина имеет право участвовать в управлении обществом, в принятии законов, в церковных и академических делах. Более

того, многие писатели-мужчины, вставшие на защиту женщин, пропагандировали как проженские, так и мизогинистские взгляды, что дает основания сомневаться в искренности их намерений. Например, в популярнейшем произведении эпохи Возрождения “Придворный” (*The Courtier*, 1527 г.) Кастильоне приводит оба взгляда на проблему. Поскольку мизогинистские взгляды в произведении озвучивает буржуа, можно утверждать, что сам автор придерживался иной точки зрения. Однако работы Эдварда Гозинхилла, писателя, открывшего феминистские дебаты в английской литературе, выдержаны в ином ключе. Произведение “*The Schole house of Women*” (1541 г.) во многом отражает взгляды автора на женщин. Последние подвергаются в нем резкой критике за споры, сплетни, болтливость, лень, жадность, непостоянство, аморальность и некоторые другие качества. Замечу, что за 30 лет книга переиздавалась четырежды. Другое произведение того же автора, “*Похвала всем женщинам*” (*The prayse of all women, called Mulierum Pean*), вышедшее приблизительно в 1542 г. и как следует из названия, иная по тональности, пользовалась гораздо меньшей популярностью^{xvi}.

Женская литература той эпохи, в большинстве своем, была посвящена опровержению мужской позиции. Женщины стремились создать свое, особое направление в литературе, отличное от церковного и буржуазного. Исключениями можно считать некую Софию, жившую в XVIII в. (если под этим псевдонимом не скрывается мужчина), и Пулена де ла Барра, чья работа “*О равенстве двух полов*” вышла в 1673 г. Таким образом, женщины пытались отвечать на литературные нападки со стороны мизогинистов, но это происходило не спонтанно, а целенаправленно против какого-либо произведения. Так, например, Кристина Пизанская вела полемику с авторами “*Романа о розе*” и “*Плача Матеолуса*”. Мари де Ромье, оскорбленная сатирическим произведением своего брата и желавшая доказать, что женщины способны на литературное творчество, опубликовала в 1591г. поэму, восхвалявшую женщин^{xvii}. Многие англичанки создавали подобные произведения, как под собственными именами, так и под псевдонимами. Среди них особого внимания заслуживают три женщины - Рэйчел Шпет и две представительницы высшего общества под псевдонимами Эстер Соуэрнэм и Констанция

ⁱ Сенека Фоллз (Seneca Falls) – город в штате Нью-Йорк - считается местом рождения американского феминизма, здесь в июле 1848 г. была принята первая конвенция по правам женщин – прим. ред.

ⁱⁱ См. ряд публикаций, посвященных предшественникам и предшественницам феминизма ("forerunners"), среди которых: *Abensoir Leon*. Histoire generale du feminisme. 1921; Geneva: Slatkine reprints, 1979; *Richardson McDowell Lula*. The Forerunners of Feminism in French Literature of Renaissance: From Christine of Piza to Marie de Gournay; *Flexner Eleanor*. Century of Struggle: The Woman's Rights Movement in the United States. New York, 1970; *Rowbotham Sheila*. Women, Resistance, and Revolution: A History of Women and Revolution in the Modern World. New York, 1974.

ⁱⁱⁱ См.: *Fergusson Moira* (ed.). First Feminists: British Women Writers, 1578-1789. Bloomington, 1975; *Smith, Hilda*. Reason's Disciples: Seventeenth Century English Feminists. Univ. of Illinois Press, 1982.

^{iv} В 1846 и 1892 гг. Оксфордский словарь английского языка, а также Словарь философии и психологии, изданный в 1901 г., определяли феминизм как наличие у человека черт женственности. Но уже в 1906 г. французский *Dictionnaire de philosophie* определял феминизм как позицию в защиту прав женщин (р.521). Историк Эллен Дюбуа в своем исследовании "Феминизм и суфражизм: Возникновение независимого женского движения в Америке, 1848-1869 (*DuBois Ellen*. "Feminism and Suffrage: The Emergence of Independent Women's Movement in America, 1848-1869. Cornell Univ. Press, 1978) отмечает, что термин "феминизм" активно использовался к 1910 г. для описания политического движения, и что родом он из Франции. Линда Кели (Linda Kealey), исследуя феминизм Канады и США, обнаружила, что термин использовался в 1890-х гг. и относился к "новой женщине". <...> В статье Джулиет С.Пойнц в *Новой Международной Энциклопедии* (изданной в 1915 г.) указывалось, что термин появился во Франции около 1890 г. и что с того времени он использовался в Англии как для описания идей, лежащих в основе "современного женского движения", так и для описания социальных процессов, которые способствовали появлению этих идей в их различных формах (например, социалистический феминизм, христианский феминизм). Автор отмечает, что феминизм тесно связан с социальными силами эпохи трансформации феодального общества в современное индустриальное и с современной демократической мыслью, сопровождавшей эту трансформацию. "Город женщин" Кристины Пизанской назван одной из первых феминистских работ наряду с некоторыми другими книгами, которые появились в период "спора о женщинах" (хотя о самом споре не упоминалось). В статье дается одна из трех формулировок, составляющих суть идей феминизма, представленных в этой работе (работе Келли - прим. ред.). Первые две имплицитны: оппозиция мизогинии (социальной и культурной) и понимание женщин больше как группы социальной, нежели биологической. Третья формулировка вырастает из авторского определения феминизма как аргументов в пользу полной эмансипации женщин.

Мунда. Они дали достойный ответ Джозефу Суэтнэму, автору *“Обличения порочных, ленивых, капризных и непостоянных женщин”* - чрезвычайно оскорбительного памфлета, вышедшего в 1615 г. Произведение пронизано грубыми претензиями на власть над женщинами и антиженскими нападка. Например, этот “борец”, чьи “пробы пера” не отличаются ни стилем, ни логикой изложения, писал:

“Не удивительно, что ...ни исправления, ни фигуры речи не могут скрыть истинного смысла женских речей, ведь в них есть некий яд, который никак не искоренить: мужчина приручил всех зверей, но лишь женский язык ему неподвластен”^{iv}.

От женщин-критиков не ускользнули ни ненависть Суэтнэма к собственной матери, ни попытки приписать “порочным” женщинам мужскую похоть. Они также раскрыли все неверно приведенные источники и цитаты. Феминистки ловко выставили напоказ безграмотность и непоследовательность произведения Суэтнэма. Эстер Соуэрнэм, как и многим другим феминисткам, пришлось вновь заострять внимание читателей на том, как несвойственно женщинам предлагать себя мужчинам или специально соблазнять их, и как часто мужчины “наставляют женщин на порочный путь”^{iv}. Но если аргументы Суэтнэма было достаточно легко опровергнуть в силу их несостоятельности, то доминирующее общественное мнение было не так просто изменить. Констанция Мунда и ее единомышленницы, обсуждавшие данную проблему, были поражены нараставшей волной мизогинизма в обществе, спровоцированной “дикими монстрами-писателями”^{iv}.

В конце XVIII в. была опубликована свадебная проповедь, прочитанная м-ром Джоном Спринтом. Основной ее идеей было полное подчинение жены мужу в браке. Ответ на эту “грубую и лицемерную” речь дали две англичанки. Об этих женщинах известно очень мало. Одна из них, Евгения, характеризуется в источниках как “еще не испытывавшая тяготы жизни в браке”^{iv}. Личность другой, анонимного автора *“Защиты женщин”*, была позднее установлена. Ею оказалась поэтесса леди Мэри Чадлейх (1656-1710), состоявшая в браке, но рекомендовавшая всем женщинам “остерегаться этого злосчастного опыта”^{iv}.

Другая поэтесса, Сара Файдж Филд Эгертон, в четырнадцатилетнем (!) возрасте написала стихотворение *“Защитник женщин”* (1686). Она написала его в ответ на *“Последние сатирические заметки о женщинах”*, которые уже упоминались выше в качестве примера пошлой и низкопробной литературы. В тот же период Джудит Дрейк сочинила *“Эссе в защиту женского пола”* (1696). Женщины различных сословий продолжали вести борьбу в этом направлении в течение всего XVIII в. Прачка Мэри Колльер, которую родители научили читать и писать, написала длинную поэму *“Труд женщин”* (1739) в ответ на *“Труд молотильщика”* Стивена Дака, прославлявшего исключительно мужской труд (как будто женщины не работали!). В то же время Энн Хоуард, виконтесса Ирвин, парировала на злобное и грубое стихотворение Александра Поупа *“Письмо второе. К женщине”*.

В 1555 г. в Италии Лаура Террачина оппонировала образу женщины в произведениях Л. Ариосто. Модерата Фонте написала поэму о равенстве полов. В 1600 г. поэтесса из Венеции, Лукреция Маринелла выступила с критикой антиженских настроений в обществе, и в частности, в писательской среде эпохи итальянского Возрождения^{iv}. Маринелла также стала автором нескольких небольших произведений в защиту женщин. Проанализировав диалог Спероне *“О достоинстве женщин”* (1542), она подвергла автора критике за утверждение женщин в качестве прислуги для мужчин. Другая ее работа посвящена критике произведения Тассо, поскольку исходя из тезиса о “несовершенстве женщин”, он восхвалял только героизм женщин-правительниц^{iv}.

Многие другие женщины присоединились к спору^{iv}. Если они не вступали в полемику против конкретных атак на их пол, то писали против общего отношения пренебрежения, по поводу чего выражала недовольство, например, Мари де Гурне (Gournay). Она - уважаемая интеллектуальная собеседница Монтеня - знала, что мужчины никогда не станут читать написанного ею, и будут этим гордиться; что независимо от того, насколько выразительно или хорошо она доказывает, от нее отделаются известным кивком головы, который означает: “это всего лишь женские разговоры”^{iv}. Презрение к женщинам было открытым и бесстыдным на протяжении восемнадцатого века, когда историк Кэтрин Маколи (Catherine Macaulay) писала об

“осуждаемых и осмеиваемых” женщинах, страдающих от “писателей все сортов - от глубоко мыслящего философа до просто галантного человека, который отличает себя по качествам, не слишком превосходящим те, что он презирает у женщин. Нельзя лучше проиллюстрировать правдивость этого наблюдения, нежели... вежливым и галантным Честерфилдом. “Женщины, - говорил его сиятельство, - всего лишь дети более высокого роста. Имеющий здравый смысл мужчина только шутит с ними, играет, развлекает и ласкает их, как занимается с ребенком; не он никогда не советуется с ними и не доверяет им в серьезных делах”^{iv}.

Говоря языком сражений, *спор о женщинах* сохранял оппозицию этому открытому, публичному презрению в течение четырехсот лет. <...>

К концу восемнадцатого века, однако, новое радикальное содержание стало преобразовывать тематические интересы старой дискуссии. Оправдание работающих женщин и проституток в призывах Мэри Рэдклиф, вера в равенство полов и равное гражданство женщин и мужчин со стороны Мэри Хей и Мэри Уоллстоункрафт, положили начало обсуждению экономических, политических и сексуальных аспектов надвигающегося женского движения. Феминисты, которых взволновала Французская революция, хотя все еще противодействовали женоненавистничеству, почувствовали себя частью нового и обнадеживающего будущего для женщин. Они были воодушевлены идеей прогресса и сознательного изменения общества. Феминисты реагировали на изменения, которые, как им казалось, неконтролируемы, или на пуританскую революцию, которая служила главным образом для того, чтобы подтвердить их подчинение мужчинам. Поскольку отсутствовало видение социального движения, направленного на изменение событий, их интерес заключался в развитии сознания. С помощью пера они могли, по крайней мере, противостоять психологическим следствиям того, что, как они чувствовали, было новым и устойчивым ухудшением положения женщин.

1. Сознание и культура

До наших дней любой феминист, последовавший за Кристиной Пизанской, должен был пройти через своеобразный кризис сознания, который она описала с такой же самоуверенностью, какую Петрарка привнес в его внутреннюю борьбу с пробуждающимся новым этосом. В отличие от ранних гуманистов Кристина, однако, не могла обратиться к классическому образованию, чтобы оно направило ее к ее новой интеллектуальной позиции. Она должна была противостоять тому, что казалось, и что все еще кажется авторитетным среди ученых по поводу подчиненности женщин.

Степень мужского презрения по отношению к женщине, проявлявшегося не только в отдельных произведениях, но находившего выход фактически в работах всех философов, поэтов, образованных людей в целом, казалась Кристине Пизанской настолько огромной, что поначалу она даже не пыталась усомниться в правоте мужчин. Действительно, разве можно было предположить, что “столько выдающихся мужчин... так часто лгали”? “Невозможно найти ни одну книгу по [моральной философии], где автор в той или иной главе не обвинял бы [женщин]”.

Взяв тему женоненавистничества, Кристина начала изучать женский опыт. “Я начала исследовать себя и свое положение как женщины”, - писала она. Она обращалась к другим женщинам, “к принцессам, великим дамам и к многочисленным благородным женщинам более низкого социального положения, все из них свободно говорили мне о частных и искренних мыслях, которые я могла знать сама, если свидетельства столь многих мужчин были правдой”. Но до того, как были предприняты эти первые усилия развить сознание, Кристина внутренне пережила пренебрежительное отношение к своему полу. “Я более полагалась на суждения других, нежели на то, что я чувствовала или думала сама”. Не имея связи с основанием истины, своим собственным опытом и опытом других женщин, она была охвачена мужским презрением к женщинам. На память приходило все больше и больше авторов, которые находили ее и всех женщин “отвратительной”, “сосудом, как говорят люди, зла и всех пороков”. Погруженная в печаль, это первая феминистка-теоретик нашла себя “презирающей себя и женственность”, обвиняющей создателя, поскольку она не была “рождена в этот мир мужчиной”^{iv}.

Исходившая из типично женской тоски, женского самопрезрения, молитва Кристины за себя и за всех женщин получила отклик. Ей явились символические Дамы (Разумность, Правота и Справедливость) во главе с самой Марией. Царица небесная заверила ее: “Я есть и всегда буду главой женщин”^{iv}. Получившая силы от этой поддержки, а также от женщин из разных классов, которые говорили с ней о своем самосознании, Кристина Пизанская сделала то, что пришло к нам в качестве первого исследования сексуальных предрассудков самой культуры. От принятия женского сословия как более низкого она двигалась в направлении признания того, что это утверждение было сделано мужчинами и имело женоненавистническую природу. Казавшееся универсальным пренебрежительное отношение к женщинам не обосновывалось ни ее собственным опытом, ни опытом других женщин. “Хотя вы встречали такие вещи в письменных трудах, вы не видели их своими глазами”, - отметила одна из ее Дам. Она была ослеплена знаменитыми авторами, веря “в противоречащее тому, что вы не можете ни почувствовать, ни увидеть, ни знать иначе, нежели из многообразия странных мнений”. Вместо объективных описаний женской природы и поведения она видела мнения, которые сковали ее, будучи проекциями мужчин – мужских страхов, интересов и забот: “не женщинами писаны были все эти книги”^{iv}.

Овидий, перешел от эротической поэзии к злобным нападениям на женщин, например, потому, что, как сообщила одна из ее Дам, был кастрирован. Наказанный так за то, что прежде любил неблагоразумно часто, он впоследствии хотел, чтобы женщины оказались неприятными, а не недоступными. Тосканский поэт Сесо d'Ascoli поносил женщин за то, что они избегали его. Более того, он был сожжен у позорного столба за то, что Кристина осторожно назвала “его пороком”^{iv}. Обнаружение присутствия идеологии – в форме идеологии пола – в том, что она читала, заставило Кристину встать на позицию критики того образа женщин, который она первоначально приняла. Ее мистические Дамы говорили с ней не только тоном современного эмпиризма, убеждая принимать за истину лишь то, что согласуется с ее опытом (и опытом других женщин); они также указали, что труды ученых и образованных людей были искажены тем, что мы сейчас называем сексизмом.

Ранние феминисты в качестве отправного пункта использовали изучение книг, как это делали Кристина и гуманисты. Основой обучения были священные и светские тексты. Но феминисты, не имевшие высоких образовательных мандатов, были очень критичными по отношению к авторам – древним, современным и даже библейским – и это в то время, когда *авторы* (*auctores*) были все еще для многих *авторитетами* (*auctoritates*). Объяснения, которые они давали враждебности и предубеждениям, найденным в традиционных текстах, а также у “важных донов, ученых мужчинах и мужчинах со здравым смыслом”^{iv}, которые писали современные обличения против женщин, были главным образом психологическими, как и те, что у Кристины. Они особо отмечали мужское соперничество, при котором мужчины очерняли женщин из страха, что женщины могут счесть равными или даже превосходящими их^{iv}. Филолог-классик из Голландии Анна Мария ван Шурман просила автора трактата о женском превосходстве не посвящать его ей, поскольку возникнут враждебные отклики на ее исследования. “Вы знаете, какими враждебными глазами смотрит подавляющее большинство мужчин (высокопочитаемых мужчин) на то, что вызывает похвалу нам”^{iv}, – написала она словами, находящими отклик у всех феминистов.

Потребность чувствовать превосходство и вытесненные сексуальные чувства составляли значительную часть психологии образованного мужчины. Наиболее систематическое исследование “причин, которые побуждают знающих и образованных мужчин критиковать и поносить женщин”, было сделано итальянкой Лукрецией Маринеллой (Lucrezia Marinella). Она выделила четыре такие причины, три из которых (самолюбие, зависть и отсутствие таланта) связаны с потребностью мужчин чувствовать превосходство над женщинами, и одна из них (презрение, надменность) происходила из-за расстройства мужских сексуальных влечений^{iv}. Даже на Аристотеля – или особенно на Аристотеля, благодаря авторитетности его взглядов на женщин – следует смотреть с точки зрения его собственных сексуальных отношений, если мы хотим понять его взгляды. Гомосексуальная любовь, считавшаяся в те времена высшим видом любви, привела его, как заключила Лукреция Маринелла, к непоследовательным, пренебрежительным утверждениям о женщинах. К тому же стыд, гнев и зависть к той любви, которую испытывают к женщинам, и в особенности его собственные чувства к любовнице, на которой он женился, и которая его сексуально поработила, приводили его к неодобрению женщин^{iv}.

Хотя у феминистов не было социального исследования, посвященного мужской психологии, понимание того, что приобретенная “мудрость” про женщин вытекала из специфического психосоциального опыта, сплошь мужского, привело их к критическому взгляду на интеллектуальную традицию, которая была, насколько я могу судить, уникальной <...> Феминисты критиковали не мужчин, а женоненавистничество и мужскую предвзятость в культуре образованного слоя. “Мы угрожаем не мужчинам, а их умам, не их личностям, а их перьям, которые, несомненно, необоснованно и недопустимо направлены против нас”^{iv}.

Каждая научная традиция была подвергнута феминистской критике, поскольку эти традиции находились под влиянием мужчин и оправдывали подавление женщин. Феминистское остроумие доходило до самого ядра мужских притязаний на неопровержимые доказательства и изречения на уровне здравого смысла, которые поддерживали мужскую власть над женщинами. Сила ума определенно сопровождает телесную силу, соглашалась Мэри Астелл, “но только в редких случаях, которые философы еще не обдумали должным образом, чтобы проникнуть в суть того, что самый сильный швейцар не является мудрейшим человеком”^{iv}. Стронников Аристотеля поднимали на смех из-за их фаллической концепции женщины как изуродованного мужчины или импотента. Если Аристотелю женщины казались “несовершенными мужчинами”, то несомненно, что это было из-за того, что “им недостает этого украшения подбородка, бороды, – а что еще можно иметь в виду?”^{iv}. Однако глубже, чем только на уровне остроумия, феминисты понимали, что унаследованное ими учение было не просто предвзято, но глубоко искажено из-за мужской заинтересованности в поддержании превосходства

мужчин. Мэри Астелл отчаялась изучить что-то о женщинах из книг, “потому что писатели, будучи мужчинами, завидующими хорошим работам женщин, не излагают их великих дел”^{iv}. Женщины отмечали, что авторы-мужчины апеллируют к Природе и Разуму, чтобы “объяснить” исключение женщин из образования, управления и общественной службы, “но у нас должны быть лучшие доказательства, чем голый лозунг личностей, выдвигающих аргументы наподобие того, что они – персоны первостепенной важности, и ко всяким высказываниям такого рода нужно относиться с большим подозрением”^{iv}.

3. Женщины и власть

Защитники женщин, таким образом, опровергали мужской авторитет, выраженный в виде учений. Главной темой их отклика на “те изящные рассуждения, которые проводились против женщин от наших великих предков до настоящего времени”^{iv}, было восстановление истинного образа женщин – образа, который можно было благополучно усвоить для мобилизации сил женщин.

Положив начало тому, что мы можем назвать первыми попытками “женских исследований”, “Город женщин” и защита, последовавшая за этой книгой, имели целью изменить знания женщин (и мужчин) с феминистской точки зрения. Как жанр они состояли, главным образом, из перетолкований исторических и библейских рассказов о женщинах. Их переписывание истории, на котором я хочу здесь сосредоточиться, представляет собой род пересмотра, который хотели предпринять ранние феминисты. Оправдания обычно отводили определенное время примерам женских добродетелей: целомудрия, верности, их родовых мук – ко всему этому относились неодобрительно. Но главной их заботой были два аспекта женского поведения, подвергавшихся нападкам. Презрение к женщинам, характерное для женоненавистничества начала нового времени, вытекало из позиций, которые признавал и даже требовал брак. Однако для того, чтобы принизить женщину до подчинения мужьям и отрицать их и иной образ жизни, требовалось относиться к ним, как умственно неполноценным, что и делалось. Они не могли управлять, их нельзя было обучать – и именно эти две группы женщин - женщины-правительницы и образованные женщины - были теми, кого ранние феминисты отыскивали в прошлом. Они использовали историю главным образом для того, чтобы найти примеры женского правления (и, следовательно, их права на самоуправление) и женского образования (от которого они чувствовали себя по-новому и несправедливо отрешенными). Война и литература (*ars et mars*): женщин изолировали от этих двух дел культуры и цивилизации (как их понимал высший класс), и им было сказано, что их природа не позволяет этого. “Если бы Бог, - протестовала Лукреция Маринелла, - разрешил теперь женщинам заниматься войной и литературой. Какие чудеса мы бы увидели... Я бы хотела, чтобы эти [клеветники на женщин] провели такой эксперимент: воспитывали бы мальчика и девочку одинакового возраста, здоровых телом и умом, в литературе и военных занятиях. Они скоро увидели бы, что девочка была бы более совершенно обучена, чем мальчик, и превзошла бы его”^{iv}.

В отсутствие такого социального экспериментирования, то, что могли делать и делали феминисты, это - показать на исторических примерах, чем на самом деле была природа женщин по отношению к власти и разуму. Историческое содержание защиты женщин, подчиненное этой цели, было довольно примитивно. Как и Кристина, феминисты просто обращались к историям знаменитых женщин, что началось с Бокаччо, и к другим подобным древним и средневековым источникам для “примеров” женских способностей. Представление об идеологии и гендере, лежавшие в основе этих работ, было, однако, новым и передовым. История “извращена, чтобы унижить нас”, утверждала София. История написана мужчинами, отмечала Мэри Астелл, “они излагают подвиги друг друга, и всегда так делали”^{iv}. Понимание того, что история истолкована с мужских позиций, все еще не принимается большинством профессиональных историков. Ранние феминисты были совершенно уверены в подобной фальсификации, но они думали, что для устранения ее последствий они просто должны были “распутать” истину о женщинах из тех же самых исторических источников. “Когда кому-то говорят об этой пристрастной обработке, и он делает попытку изучения прошлого, то оказывается, что женщины не были отсталыми по сравнению с мужчинами в любом деле, и что достоинства, которые они проявляли во всех случаях, далеко превосходят что-либо из того, что мужчины могли бы процитировать в свою пользу”^{iv}. Кристина, отбросив все представления Бокаччо о мужеподобном и “исключительном” характере исторических достижений женщин, использовала написанные им биографии для утверждения целиком положительного представления о женской природе. В самом деле, она даже превратила его рассказы об Исиде, Церере, Минерве и Карменте (основательнице Рима и латинского языка) в неотразимый довод в пользу женского происхождения культуры и цивилизации^{iv}.

Эти мистические основательницы языка, сельского хозяйства, некоторых искусств и наук и государств выпали из наиболее поздних оправдательных текстов – вместе со святыми, упоминавшимися Кристиной. Те, что остались в качестве образцов для положительного изображения женской природы, были образованные женщины, женщины-воительницы и правительницы. Из века в век превозносились амазонки за их воинственную независимость от мужчин, но также и за их искусство управления государством. Французские авторы – Кристина Пизанская и Мари де Гурне – славили Жанну д'Арк в качестве воительницы, специально сравнивая ее с амазонками. Английские женщины, такие как Эстер Соувернэм, вспомнили Боадицею, королеву бретонцев, учившую римлян, "что женщина может покорить их – тех, которые покорили почти весь мир"^{iv}. Вспоминали также древних женщин-правительниц, например, королеву Семирамиду и др. <...> Кристина, которая была историком и написала официальную историю правления КарлаУ, перечисляла королей Франции в "*Городе женщин*"^{iv} и отмечала, что некоторые из них правили самостоятельно <...>.

Для Кристины Салическое право (1328), устранившее женщин от наследования французской короны, оставалось все еще новым и оскорбительным. Она отмечала, что правление королей во Франции было справедливым и мягким, то же самое можно сказать о многих женщинах, "великих и менее великих", которые укрепляли владения своих мужей и управляли этими территориями на протяжении всей жизни, и которых почти столь же сильно любили подданные^{iv}. Во времена Кристины женщины еще управляли и защищали свои владения. Она сама написала книгу о приемах ведения войны, а в книге "*О трех добродетелях*" требовала от женщин знания о том, как командовать в защите и в нападении^{iv}. Однако по мере объединения европейских государств женщин твердо устранили от исполнения подобных функций. По мере того, как военная, финансовая и юридическая власть феодальных семей становилась "публичной", то есть государственной функцией, мужчины занимали новые позиции в управлении государством, и мужское представление о женском поведении принимало современные формы. Кастильоне, превративший феодального лорда в придворного и определивший образ жизни для целых поколений европейцев, которые с этого времени служили государю, определил новый образ действий и для женщин. Все еще "обходительный" по отношению к дамам, он признавал за ними равное образование с придворными. Но он устранил их от подготовки в военном деле и в искусстве верховой езды.

Во время жизни Кастильоне Элеанор Арагонская как герцогиня Феррарская приняла единоличное управление городом, когда его осадили венецианцы в войне 1482-84, а Катарина Сфорца самостоятельно управляла небольшим государством Pesaro, приняв на себя командование и борясь за его поддержание. В самом деле, как сейчас мы начинаем вновь открывать, женщины были обычной частью европейских армий с четырнадцатого вплоть до девятнадцатого века, вдобавок к благородным женщинам, участвовавшими в командовании. Тем не менее, до второй половины семнадцатого века созданный Кастильоне образ разоруженной женщины, исключенной из государственных функций, превалировал в Европе в качестве идеологии и во все большей степени становился реальностью. "Героические действия, общественные занятия, могущественные правительства и красноречивая защита – наш пол был исключен из всего этого в том веке", – писала Маргарет Кавендиш в 1656 г., комментируя Постановление содружества. Ее слова остаются верными как для периода Реставрации, так и для республиканской Англии. Даже для герцогини Ньюкаслской, исключительной как по уму, так и по ее связям, единственным выходом честолобию было взяться за перо. Она заявляла, что не будет даже читать историю, уверенная, что история была иной для женщин прошлого, что в ней можно найти "таких женщин, что превзошли всю ту славу, к которой я стремилась".

Перед лицом таких изменений во власти женщин феминисты периода *querelle* развивали другую стратегию для ответной борьбы. Они использовали знания о доблестных, воинственных возможностях и о правлении женщин прошлого для того, чтобы определить собственную позицию: что власть женщин и господствующее представление о природе женщин были ограничены недавно.

Мари де Гурне справедливо заметила, что Салическая Правда была создана, чтобы регулировать спорные вопросы престолонаследия: она вступила в действие только во Франции, где ранее женщины наравне с мужчинами участвовали в процессе законотворчества. В далеком прошлом спартанцы совещались с женщинами по "публичным и частным" вопросам. Так же обстояли дела в германских племенах, описанных Тацитом. Некоторые государства управлялись исключительно женщинами. Героиней книги "*Страшная месть женщин*" Мэри Тэтл-Уид и Джоан Хит-Хим-Хоум стала Длинная Мег из Вестминстера, вернее, ее вооруженный призрак, призванный бороться за права своего пола. Мег завоевала благосклонность короля Генриха за воинскую доблесть, проявленную в Булонской битве

(1544): “кости врагов трещали под моими ударами”. В XVII в. ее призрак вернулся, чтобы протестовать против унижения женщин.

Феминисты верно понимали, что тема женской власти была критической даже для женщин, не имеющих высокого социального положения. На повестку дня выносилось нечто большее, нежели просто участие женщин высших слоев в выполнении государственных функций. Формировалось представление, что женщины *как женщины* были лишены власти и авторитета самой их природой. Действительно, именно в этом состояла суть *спора*. С феминистской стороны были увековечены амазонки и рассказы о матриархате наряду с биографиями действительно существовавших воительницах и правительницах, чтобы поддержать жизнеспособность стирающегося образа независимой женщины и женщины – творца культуры и цивилизации.

С женоненавистнической стороны мужчины – представители противоположных классов и партий объединяли ряды во вновь обретенной уверенности в женском “естественном” подчинении мужчинам. Республиканцы, буржуа (во Флоренции и Венеции эпохи Ренессанса, в кальвинистской Женеве или пуританской Англии) ни на минуту не сомневались, что место женщины дома, и что она должна полностью подчиняться мужу. В Женеве вышла работа Д. Нокса “*Первый призыв к свержению чудовищного женского правления*” (1558). Автор стремился донести до масс слово Божье о том, что женщине не следует править мужчинами. Однако у Нокса были свои причины недолюбливать женщин-правительниц: он был изгнан из Англии Марией Тюдор. Но его позиция в глазах общественности была обоснованной в силу двух факторов, влияющих на определение роли женщин в процессе формирования государства.

Один – это потеря власти женщинами высокого положения по мере того, как государства разрушали военную, юридическую и политическую власть аристократических семей. Другой – формирование прединдустриального, патриархального домашнего хозяйства как основной социальной и экономической единицы постфеодального периода. Государственное законодательство в пятнадцатом и шестнадцатом веках укрепляло домашнее хозяйство как орудие социального контроля. Законы о бедности, законы против бродяг, проституток, ведьм и даже против религиозных орденов в протестантских странах собирали людей в домашнее хозяйство для обеспечения средств к жизни и отсылали неимущих мужчин - и всех женщин - под власть хозяина дома.

Даже восход на престол Елизаветы в 1588 г. слабо способствовал возрождению древних традиций женского правления. За годы ее пребывания на престоле призывы Нокса затихли, но статус женщины почти не изменился. Джон Эйлмер, критиковавший работы Нокса в период, когда Елизавета была уже королевой, а позднее ставший епископом лондонским, в своем полуофициальном трактате в защиту женщин-правительниц писал: “Женщина может быть магистратом, но дома она все равно должна быть послушной женой”^{iv}. Правление Елизаветы не способствовало изменению положения женщин. Как писал Спенсер, “добродетельные женщины понимают, что их предназначение – смирение, пока судьба не сделает их королевами”^{iv}. Действительно, если кто-нибудь и пытался соответствовать идеалу женщины эпохи Возрождения, то это, в первую очередь, сама Елизавета – она была в некотором роде удостоена чести считаться мужчиной. Как королева, она все время давала понять, что является неким “исключением из Законов Природы” и что больше ни одна женщина не может преуспеть в управлении государством. Свой пол она представляла как недостаток, имея в виду приличествующую женщине скромность и слабость. Например, в знаменитой речи в Тилбури она говорила: “Я знаю, что у меня тело слабой и хилой женщины, но сердце и отвага короля, в том числе и короля Англии”^{iv}.

Однако, как отмечали феминисты периода *querelle*, к женщинам не всегда относились как к слабым и беззащитным, поскольку они не были такими. Действительно, предпринимались серьезные меры, чтобы ввергнуть их в такую форму. После “исключительного” правления Елизаветы английский король Джеймс I положил начало малоизвестной фазе *querelle*, показывая, что не только республиканцы или пуритане, но и верные сторонники иерархии и монархии должны были отрицать какое-либо отношение женщин к политической или военной власти. У него был такой же “домашний” взгляд на женщин, как у любого буржуа. Когда ему представляли молодую женщину, известную знанием латинского, греческого и еврейского языков, его ответом было: “Но умеет ли она прясть?”^{iv}. Его совет старшему сыну по поводу брака был: “Ты голова, она - твоё тело. У тебя право приказывать, её долг - подчиняться”^{iv}. Такое понимание женской роли распространялось и на женщин аристократического сословия, что проявилось в попытке заставить их отказаться от таких традиционных привилегий как ношение одежды для поездок верхом на лошади и использование оружия.

Кампания короля Джеймса началась в январе 1620г., когда он приказал епископу Лондона проинструктировать все духовенство “страстно выступать против наглости наших женщин и их

ношения широкополых шляп, расшитых жакетов, их коротко стриженных волос, а также стилетов или кинжалов”. Новые гендерные требования к дамам, подобные тем, которые выдвинул Кастильоне, теперь должны были проводиться в жизнь указами: проходить сверху вниз от короля через епископа ко всему духовенству. Культура также была официально завербована для поддержки государства и церкви. Стихи, пьесы, баллады, проповеди и памфлеты призывали женщин воздерживаться от таких нарядов и поведения, которые в то время были определены как “мужские”.

Три памфлета 1620 г. особенно ясно показали, как буржуазные семейные нормы распространились на всех женщин, и насколько правы были феминисты, понимая, что борьба полов в форме *querelle* была борьбой по ту сторону гендера: по ту сторону того, как надо воспринимать женщин, и какими им быть.

С памфлета *Hic Mulier* (1620) началась кампания против женщин, чье поведение походило на мужское. Эта мысль нашла отражение уже в заглавии. Мужским в данном случае считался свободный костюм, кстати, осужденный королем Яковом, а также короткие стрижки и ношение оружия. Как раз в этот период пуританин Вильям Принн выступил против коротких волос, называя их “признаком продажных женщин”. Как и ношение брюк, короткие волосы таили в себе угрозу важной составляющей божественного общественного уклада, а именно, балансу сил в отношениях между полами. А короткие волосы и брюки были непременными атрибутами мужчин. С другой стороны, “разве длинные волосы женщин не являлись показателем их покорности и смирения перед Богом и Мужчиной?”^{iv} Филип Стаббз, автор пуританских памфлетов 1580-х гг. в сходной манере писал о “падших” женщинах, носящих “экстравагантную одежду, которую пристало носить только мужчинам”. Он был уверен, что некоторые женщины, взявшие мужскую моду, стали бы мужчинами, если бы могли^{iv}. Разумеется, памфлеты в поддержку королевской кампании не имели ничего общего с пуританской моралью. Например, в них нигде не критикуются женские платья, в которых не прикрывается грудь. Очевидно, что независимость “маскулинных” женщин, их претензии на равенство с мужчинами настораживали общество. Их удобные костюмы для верховой езды, короткие волосы и, в особенности, оружие, придавали женщинам мужские черты, делали их равными мужчинам “по одежде, по поведению, по натуре и склонности к гневу, по поступкам в вопросах мести, в обращении с оружием”^{iv}.

Как показывают дискуссии якобинцев по проблемам гендера, в то время, когда европейские монархи начала эпохи Нового времени разоружать дворянство и приучать его к государственному праву, женщин высшего класса дополнительно стали приучать к семейному и социальному праву. Второй памфлет, *Haec Vir*, появившийся неделей позже *Hic Mulier*, на первый взгляд пропагандировал равенство полов, поскольку в нем содержались призывы к мужчинам не становиться женоподобными. Памфлет скрыто критиковал гомосексуальный двор Якова, напудренные прически мужчин, напыщенные речи, макияж и развлечения придворных. Однако автор памфлета обещает мужчинам, что если они вернутся к нормальному мужскому облику, женщины вновь станут “прекрасными” и будут “служить” им. Мужеподобным женщинам и женоподобным мужчинам следует поменять платье и таким образом вернуться к естественному порядку вещей. Следует отметить, что этот “естественный” порядок в эпоху Якова очень мало имел общего с пуританской моралью, особенно в отношении женщин. Они были вынуждены покориться общественным требованиям и вернуться к чтению Библии, шитью, носить “шляпы, чтобы закрываться от солнца, скромные закрытые платья, а не легкие юбки и французские камзолы, отказаться от ношения кинжалов, пистолетов, шпор и взять молитвенники”^{iv}.

Третий памфлет из этой серии развивал тему патриархата. Автор, выступая, как критик-моралист и представитель среднего класса, свел всю проблему “смены платьев” к патриархальному авторитету в буржуазном обществе. “Женщина была создана для почитания своих родителей (читай - отца) и для повиновения мужу”, - писал он.

Пусть используют отцы свою власть над детьми, пусть мужья наставляют жен своих, поскольку тот мужчина женоподобен, кто передает данное ему от рождения право своей жене или дочери, и поскольку мужеподобна та женщина, которая лишает родителей авторитета, мужа – власти или отступает от присущей ее полу скромности”^{iv}.

Такое изменение настроения третьего памфлета по сравнению со вторым предвещало скорое общественное недовольство, которое вылилось в протест против короля, церкви и аристократии, но не против дискриминации женщин. Когда пуританская революция свергла монархию, положение женщины не изменилось. В эпоху Елизаветы и Якова гендер как социальный конструкт четко прослеживался в общественной жизни. Даже в памфлете *Hic Mulier*, выражавшем взгляды аристократии, содержится призыв к применению мер по ограничению экономической самостоятельности слишком свободолобивых женщин. Если отцы, мужья, попечители этих “гермафродитов” будут требовать от

женщин отчета об их расходах, то тяга к самостоятельности скоро исчезнет. Меры, предпринятые королем Яковом для “приручения” женщин, скоро будут казаться такими же несуразными, как и его рассуждения о божественном происхождении королевской власти. Он получил королевскую власть в борьбе с женщинами, вернее против их манеры одеваться. Когда в 1615 г. он велел казнить миссис Энн Тюнер за отравление, он потребовал, чтобы на казнь она надела не то платье с накрахмаленными желтыми рюшами, которое так оскорбило вкус Его величества. К 1620 г. он вынудил церковь, памфлетистов, составителей баллад, певцов и актеров присоединиться к кампании против “мужеподобных” женщин, носивших удобные костюмы для верховой езды, и имевших оружие. Яков получил известность за неприятие любого проявления женской свободы. Он пытался вернуть их к образу “скромницы”.

Невзирая на социальную реальность, которая устранила всех женщин, кроме королев, от непосредственного исполнения властных функций к концу семнадцатого - восемнадцатого веков, историческая память о вооруженных женщинах и женском правлении упорно сохранялась. Более жизненной стала другая тема в гендерном споре – вопрос о женском образовании, однако королевы и претендентки в королевы продолжали возбуждать феминистов самым существованием. Они также давали материальную поддержку усилиям феминистов преодолеть барьер предполагаемого женского невежества и неправоподобности, как это делали другие женщины в верхах. Кристина Пизанская написала книгу по женскому образованию для Маргариты Бургундской, когда та собиралась выйти замуж за французского дофина; Батсуа Мэйкин (Batsua Makin) написала для Марии, старшей дочери герцога Йоркского. Мэри Астелл направила свои предложения о женском колледже будущей королеве Анне, впоследствии принцессе Дании, которая на самом деле собиралась его финансировать, пока епископ из Солсбери не разубедил ее. Мари де Гурне посвятила Анне Австрийской, будущей королеве Франции, свое сочинение "*Равенство мужчин и женщин*", получая от нее и от ее предшественницы Марии де Медичи средства на содержание. Леди Чадлейх, автор трактата "*Защита женщин*" ("*Ladies Defence*"), посвящала свои поэмы королеве Анне, а свои очерки - Electress Sophia.

Наиболее впечатляющим примером того, как женская власть продолжала воодушевлять феминистскую сторону *querelle*, может быть Мэри Астелл. Астелл не писала в защиту женщин, но, добавок к хорошо известному предложению о женском колледже она написала сногшибательную критику брака^{iv}. Подписываясь под принципами англиканской церкви и иерархического общества, в первом издании книги она описала мужей в терминах иерархии раннего периода нового общества. Они были “лорды и хозяева” своих жен, которые были не более чем “бедными вассалами”^{iv}. Астелл была раздражена либеральной позицией Джона Локка в отношении права протестовать против тирании, не касаясь вопроса о том, как мужья должны править. Социальные ранги, включая высшее положение мужей, и право вышестоящих управлять нижестоящими казались predetermined: “Бог разместил разные чины в мире, но некоторые в более высоком, а некоторые – в более низком положении по многим благим причинам”. Однако для самой Астелл не было хорошим аргументом, что высшие “от трона до частной семьи” правили как представители Бога. Она не была замужем и не могла пропагандировать брак для женщин. Но затем королева Анна взошла на английский трон в 1702. Вновь женщина правила самостоятельно, и это ускорило появление у Астелл пленительной феминистской версии просвещенческой революции в мышлении.

Эта принадлежащая высокой церкви женщина, которая в печати возражала против деистических взглядов Локка, теперь приняла один из главных аргументов, освобождавших научную мысль от оков Священного писания и церкви. В 1703г. в приложении к “*Размышлениям о браке*” она возвала к тому принципу, который использовал Галилей для защиты представления о движении земли вокруг солнца. Обосновывая, что язык Писания приспосабливается к обычному, чтобы лучше передать его уникальные теологические идеи, она отклонила библейские утверждения о подчинении женщин как не более, чем определенного рода приспособления к преобладающему образу мыслей. Она обнаружила, что отношения полов – это универсальная проблема. Она относится к человеческой природе в самом широком смысле, а не только к адресатам Откровения. Равенство женщин было, таким образом, проблемой, которую должен был решать разум – и ясно, что при правлении Анны в Англии все свидетельства здравого смысла и разума говорили против мужского превосходства. Не только каждый мужчина не превосходил каждую женщину, но одна женщина теперь была выше всех мужчин в королевстве. Если бы каждая женщина была подчинена какому-то мужчине согласно закону природы, отмечала Астелл, королева должна была бы подчиняться своему ливрейному лакею. И если мужчины теперь сошли с этой позиции, подтверждая, что только некоторые женщины занимают более низкое положение, чем некоторые мужчины, то это столь же верно, как и обратное утверждение, что некоторые

мужчины определенно ниже некоторых женщин^{iv}. Довольно говорить о предполагаемом естественном более низком положении женщин. Старый принцип женского правления еще раз победил доктрину женской универсальной подчиненности мужчине.

Власть женщин высокого общественного положения была слабым основанием для того, чтобы надеяться на женскую окончательную эмансипацию, как это делала Астелл. До начала восемнадцатого столетия их влияние было очень ограниченным, так как сами феминисты были никем, и до конца века общественное положение как таковое должно было быть заменено буржуазным социальным порядком. Все же в историческом переходе от феодального к буржуазному обществу большинство ранних феминистов периода *querelle* продолжали обращаться к представительницам старого порядка и консервативно приукрашивать их. В частности, их политический консерватизм был ограничением, налагаемым их классом. Отделенные от большинства других женщин классовыми привилегиями, они плохо представляли себе их жизнь и не воспринимали их как источник власти. Несмотря на все грозные возражения против женоненавистничества они, например, никогда не замечали одного его наиболее отвратительного проявления в Европе эпохи начала Нового времени – повешения или сжигания заживо около 100 000 или более женщин как ведьм. Как социалисты-утописты того времени, на кого они были похожи своими взглядами, ранние феминистские теоретики обращались к просвещению и к традиционным источникам власти, когда надеялись на социальные изменения. Поскольку они были женщинами, для которых сексуальная политика была главным, они ностальгически смотрели на те времена, когда эта традиционная власть осуществлялась женщинами.

Даже их сексуальная политика выглядит в наше время консервативной. То, что феминисты *querelle* должны были сказать женщинам и обществу, было в большой степени реакцией на то, что говорили женоненавистники. Хотя через это лежал путь за пределы сопротивления женоненавистничеству. Альтернативой служило принятие тех образов, которые показывали женщинам разного общественного ранга их более низкое положение и подчиненность мужчинам. Для того, чтобы противостоять женоненавистничеству, надо было начать долгую феминистскую борьбу. Наибольшими достижениями ранних феминистских теоретиков было приведение в движение этой диалектики. Они были ограничены сражениями с писателями, но и в этом сражении они показали мужское влияние на образование и его женоненавистническую направленность. И они добились, по крайней мере, для феминистского сознания более широкого и общего взгляда на женщин, чем суживающие гендерные предписания, налагаемые обществом начала нового времени.

Эти достижения не были утрачены. В течение веков, когда власть женщин из аристократии становилась все более ограниченной, когда право, экономика и общественная власть ограничивали женщин среднего класса и бедных от вступления в общественную жизнь, феминисты игнорировали и отрицали сопутствующие эпоху образы женщин, которые лишали их достоинства и авторитета. Они отвергали как мужскую идеологию представления о женской неспособности, которые отражали и подкрепляли методичный переход власти и авторитета к мужчинам. Таким образом, они создавали интеллектуальную традицию, в которой память о феодальном правлении женщин и смутные воспоминания о вооруженных и воюющих женщинах, поддерживали представление о естественном назначении женщин.

Однако никто все-таки полностью не знает распространенности и влияния этой традиции^{iv}. Ясно, что писатели-феминисты черпали силу и аргументы у своих предшественников. Их традиция простиралась за пределы *querelle*. Интерес ранних феминистов к мужской идеологии и гендеру оставался центральным и для последующей феминистской мысли. Несмотря на позднее развитие сознания, снова и снова появлялись исторические описания женщин-воительниц и правительниц - от Гарриет Тейлор Милль в начале первой волны женского движения до Мэри Бирд - в конце, и все еще действовали, как воодушевляющий образ в полумифических потомках прежних защитительных трактатов, таких, как “*Матери и амазонки*” Элен Дайнер (1929) и “*Первый пол*” Элизабет Дэвис (1971). Вне границ теории мы можем только предполагать, какие контркультурные образы внушили ранние феминисты. Однако мы действительно знаем, что когда женщины поднялись, чтобы присоединиться к революции, которая положила конец феодализму, они опять были теми женщинами, которые вооружились и стремились к общественной власти. Они формировали военные объединения, которые называли Легионами амазонок, и они требовали политических прав для женщин, хотя в то время как граждан, а не дам^{iv}.

Итак, таким был вклад ранней феминистской теории. Женщины эпохи *querelle* заложили и продолжили четырехвековую традицию интеллектуального противостояния женоненавистничеству. Они показали, как может быть использовано образование для принижения женщин, и они создали

компенсирующий образ исторической женской власти. Способности женского ума они защищали почти с такой же силой. Письма, как и оружие, составили их двойную "защиту" против женоненавистнического использования культуры.

Перевод Е.Лучининой и В. Успенской
Редакция В.Успенской

ПРИМЕЧАНИЯ

^v Стандартное теоретическое определение гендера – это определение, данное Гейл Рабин (Gayle Rubin): "система пол/гендер - это набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в результаты человеческой деятельности, и в которых эти преобразованные сексуальные потребности встречаются. Гендер – это полагаемое обществом разделение полов, это - продукт социальных половых отношений, которые преобразуют самцов и самок в мужчин и женщин" (См. публикацию Г.Рубин на русском языке в *Хрестоматии феминистских текстов* /Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной. СПб., 2000) - прим. ред.).

^{vi} Rowbotham S. Op.cit. P. 21-30; Thomas K. Women and the Civil War Sects // Past and Present, 1958, April. P. 420-62; Hill Ch. The World Turned Upside Down. New York, 1972. P.247-161.

^{vii} Адриенн Рич ввела в обиход этот термин, обозначающий различные формы женского сопротивления мужской тирании, которые проявлялись в каждой культуре и во все периоды истории "часто, хотя не всегда, без всякой теории" (Rich A. Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // Signs, 1980, № 5. P.652.

^{viii} По мнению Я.Буркхарда, Петрарка был "одним из первых, действительно современных, людей" (The Civilization of the Renaissance in Italy [1860]. London, 1950. P. 179.

^{ix} Boccaccio. Concerning Famous Women. Rutgers Univ.Press, 1964. P. xxxvii, 87, 131, 217.

^x О женщинах, посмеявшихся подняться над границами своего пола, см., например: Heish A. Queen Elizabeth and the Persistence of Patriarchy // Feminist review, 1980, February . P. 45-56; King M. Thwarted Ambitions: Six Learned Women of the Italian Renaissance // Soundings: An Interdisciplinary Journal, 1976, vol. 59, №3. P. 280-304; Labalme P. (ed.). Beyond Their Sex: Learned Women of the European Past. New York, 1980.

^{xi} Pizan C. The City of Women. I.3,4; II.53. Я использую перевод Brian Anslay "The Boke of Ladies", London, 1521. Я модернизировала правописание и слова текста тем, где необходимо; то же самое - в отношении других ранних английских авторов, которых я цитирую.

Официальную биографию Кристины Пизанской см.: Marie-Joseph Pinet. Christine de Pizan, 1364-1430: Etude biographique et litteraire. Paris, 1927. Современную оценку произведения Кристины см.: Bell, Susan Groag. Christine de Pizan: Humanism and the Problems of the Studious Woman // Feminist Studies, 1976, vol.3, № 3-4. P.173-184.

^{xii} О ранней истории *querelle* см.: Richardson, Lula McDowell. The Forenners of Feminism in French Literature of the Renaissance from Christine de Pizan to Marie de Gournay. Baltimore, John Hopkins Univ.Press, 1929; Utley, Fransis Lee. The Crooked Rib: An Analitical Index to the Argument about Women in English and Scots Literature to the End of the Year 1568. Ohaio State Univ.Press, 1944; Kelso, Ruth. Doctrine for the Lady of the Renaissance. Univ. of Illinoi Press, 1956; Camden, Carroll. The Elizabethan Woman. Elsevier Press, 1952; Stenton D.M. The English Woman in History. [1956]. NewYork. 1977. P. 127-151, 204-208, 292-298; Lougee, Carolyn. Le Paradise des femmes: Women, Salons, and Social Stratification in Seventeenth-Century France. Princeton Univ.Press, 1976; Rogers, Katharine. The Troublesome Helpmate: A History of Misogyny in Literature. Univ. of Washington Press, 1966.

^{xiii} О споре вокруг "Романа о розе" см.: Ward Ch.F. The Epistles on the Romance of the Rose and Other Documents in Debate. Univ. of Chicago Press, 1911; Fergusson M. Op cit.

^{xiv} Трудно оценить степень влияния Кристины без солидных исследований, посвященных *спору о женщинах*. Тем не менее, ее аргументы и историческое содержание *Города женщин* появляются с вариациями вновь и вновь в последующих защитах, авторами которых были женщины и мужчины. Мартин Ле Франк цитировал Крестину в своем известном труде *Le Champion des dames* (1440-42). Пьер Моньер де Ленодери то же самое сделал в книге *La louange du mariage et des femmes vertueueuses* (1534), страстно рекомендуя ее *Город женщин*. Подобно Крестине Франсуа де Биллон строит "форт" для женщин, используя знаменитых женщин в качестве его "башен" в книге *Le Fort inexpugnable de l'honneur du sexe feminin* (1555), он также изобразил женщин как изобретателей агрокультуры, войны, литературы и т.д. Об этих работах см.: Richardson L. Op. cit. P. 38-42, 64-65, 90-100. Идея цитадели или

форта/крепости для женщин вдохновила также Дэниэла Тувила: *Tuvil D. Asylum Veneris: or, A Sanctuary for the Ladies* (London, 1616).

^{xv} *Speght R. A Muzzle for Melastomus* (London, 1617. P. 23.

^{xvi} О Гозинхилле см.: *Camden C. Op. cit.* P.241-171.

^{xvii} *Romieu, Marie de. Brief discours, que l'exellence de la femme surpasse celle de l'homme.* Paris, 1591. См.: *Rihardson M. Op. cit.* P. 113-125.